

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, преподаватель

ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»

г. Москва

САРАТОВСКИЙ ГАЛКИНСКИЙ УЧЕБНО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ ПРИЮТ В 1891 ГОДУ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Аннотация: статья посвящена вопросу деятельности Саратовского Галкинского учебно-исправительного приюта в 1891 году. Сообщаются данные о составе администрации приюта, о составе и происхождении воспитанников, о способах исправления, и главное, биографии некоторых воспитанников, что их привело в приют.

Ключевые слова: воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних правонарушителей, Российская империя, XIX век, Саратов, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют для несовершеннолетних правонарушителей, несовершеннолетние правонарушители, биографии несовершеннолетних правонарушителей.

Продолжаем рассказ о Саратовском Галкинском учебно-исправительном приюте. Ему посвящено множество исследований [1; 3; 4], но конкретно годовые отчеты практически не затронуты в научно-исследовательской литературе.

Воспитанник И. Никитин с малых лет жил в деревне, «сектант (поморского согласия. Когда умерла мать его, отец женился на другой и жизнь н. стала плохая. Стал воровать и баловаться и попал в приюте за совершение кражи со взломом. В приюте жил тихо и особенно усердно занялся сапожным мастерством и успел настолько, что в один год стал работать лучше всех. Выучился в приюте читал и писать и закону божию. Попросил позволения у священника ходить в церковь; стал петь и читать на клиросе и отличался особенно благовейным стоянием в храме. Чрез год он неотступно стал просить священника, законоучителя приюта, присоединить его к православной церкви. Вызван был в приют его отец, который также стал просить о присоединении его сына и. к православной церкви. Вызван

был в приют его отец, который также стал просить о присоединении его сына и к православной церкви. Присоединение через муропомозание совершено было в приютской церкви торжественно в праздник. Никитин исповедался и причастился в этот день св. тайн и все воспитанники были рады и поздравляли н. как брата, но более всех рад был сам н. – вскоре н. вышел из приюта к своему отцу в деревню. Отец с мачехо успели уже отвыкнуть от него и заметно стало н., что ему не очень рады дома. Летом он работал очень усердно с отцом, но, несмотря на это, осенью отец для мачехи купил новую одежду и наряды, а н. настолько одет был худо, что от стыда никуда почти не выходил. Этого мало, – мачеха стала упрекать н. куском хлеба, а в конце октября отец выгнал его из дома. Тогда н. пошел к приходскому священнику и объяснил ему все. Священник призвал сельского старосту и попросил его, чтобы он вместе с близкими родными н. разобрали его отношения с отцом и устроили его. Отец, под влиянием мачехи, не пожелал принять н. к себе в дом и сельский сход решил наделить н. яровою землею в количестве двух десятин и на его долю отрезать одну десятину засеянной озимой ржи. В течение зимы н. шил сапоги и заработал очень хорошо. весною на свои средства засеял сам всю яровину пшеницей и таким образом у него всего посева на урожай 1892 г. было три десятины. Управившись с посевом, н. пришел в приют прилично отдетый и просил принять его в приютскую мастерскую подмастерьем до июля, когда созреют хлеба. Заработал он в приюте около 10 рублей и пошел убирать свой хлеб, который уродился хорошо. приюту н. очень благодарен за все и он обещался навещать приют каждый год весною. Ведет себя примерно хорошо и можно поручиться, что он будет хороший хозяин» [2, с. 8–9].

Воспитанник С. Холодяков «до поступления в приют жил у отца своего в городе Петровске Саратовской губернии. Жили очень бедно. Семья бывало, вся на работе по целым неделям, а Х. все один шатался по городу и баловался. Ходил потом в школу, но учился плохо и затем стал уклоняться от классов. Потом по немногу начал воровать. В последний раз украл дорогие вещи и его приговорил мировой судья в приют до исправления. В приюте пробыл Х. около года. Вел себя весьма хорошо и учился в приютской школе настолько старательно, что

сдал удовлетворительно экзамен и получил свидетельство об окончании курса народного училища. Занимался Х. также и в столярной мастерской, но по слабости здоровья, не успел научиться хорошо. на всех работах он трудился по силе своей без всякой лени. По увольнении из приюта, Х. отправился к отцу, который отдал его к маляру без жалованья, и он работал у хозяина все лето. На другое лето он поступил к тому же хозяину по 4 рубля в месяц. Ведет себя очень хорошо. Х. часто пишет приютскому священнику письма, в которых подробно описывает о себе все. Письма дышат правдивостью и из них видно, что как бы горько Х. в жизни не было, он уже пойдет по трудовому пути и вором не будет» [2, с. 9–10].

Воспитанник М. Вотяков, сын фельдфебеля. «Мать давно умерла, а отцу около 80 лет от роду. Отец живет в Саратове, получая 3 рубля пособия в месяц; дома своего не имеет и живет на бедной квартире. Когда то он был порядочным сапожником, но стал стар и теперь кое-что только починяет. С самых ранних лет В. все шатался по берегу Волги, баловался, подружился с дурными товарищами и стал воровать, где и что попало. По приговору мирового судьи за кражу, будучи 13 лет от роду поступил в приют, где пробыл около 5 лет. Учился в приютской школе; сдал экзамен и получил свидетельство об окончании курса народной школы из саратовского училищного совета. Занимался сапожным мастерством и научился работать сапоги очень хорошо. в начале поступления в приют был не послушен и груб, а потом постепенно стал вести себя лучше и лучше, так что его перевели в первую лучшую семью. В воровстве, в течение пяти лет приютской жизни, замечен не был; привык трудиться во всяком труде основательно, в особенно в последние два года жизни в приюте перед окончанием срока. По выходе из приюта оставлен был правлением приюта в качестве подмастерья в сапожной мастерской. Выдающейся чертою характера в. были и есть любовь и уважение к старику-родителю. Как к нему пойдет, так, сколько у него денег заработанных есть, все и отдаст ему, хотя бы сам в чем и очень нуждался; сам в худых сапогах, а родителю на последние деньги сожмет босовики, из дорогой кожи. У старика отца есть еще тринадцатилетний сын, Иван. Видя что из старшего баловника сына, от рук отбившегося, вышел толк он, недолго думая, пожаловался мировому

судье, что он от рук отбивается и что-то у него украл, и прямо просил судью приговорить его до возраста лет в приют. Мировой судья послушал старика – приговорил ему и этого сына в приют, чему старик очень рад» [2, с. 9–10].

Воспитанник Г. Булимов, «Васин тож, крестьянин Орловской губернии, Мценского уезда, села Нижнего Ломовца, – 17 лет, неграмотный. С малых лет не почитал ни отца, ни матери и никого из родных и жил по своей воле, как хотел и такие дела делал, за которые, по его словам, давно бы нужно быть в Сибири. Наконец все отказались от него. Когда ему исполнилось 15 лет, он убежал от отца своего в Киев, где жил воровством и мошенничеством, за что сидел два раза в киевской тюрьме. Был в Туле и там сидел в тюрьме. Его по этапу переслали на родину, где был недолго и опять убежал в Царицын, где тоже за воровство сидел в тюрьме, а потом еще раз попался и мировой судья приговорил его в саратовский исправительный приют на 6 месяцев. По правилам приюта, из средней семьи, куда поступают вновь прибывшие мальчики, можно переводить в другую семью только по прошествии 2-х месяцев. Но Булимова через два дня оказалось нельзя было держать в средней семье и его перевели в 3-ю худшую семью; но и там нельзя было его оставлять без надзора. в продолжении 5-ти месячного пребывания в приюте Б., несмотря на неопустительное посещение им школы, грамоте учиться не желал; притворялся глупым, ничего не понимающим и усиленные труды опытного учителя и воспитателя дали тот только результат, что Б. за всю зиму едва-едва стал разбирать слова. Молитвы он выучил наизусть со слов законоучителя. Он был крайне испорчен в нравственном отношении, что и побудило приютскую администрацию учредить за ним постоянный надзор до самого его выхода из приюта. Несмотря на это вредное влияние Б. на некоторых мальчиках, хотя не сильно, а все-таки отразилось. Все рады были в приюте, когда по окончанию срока Б. отправили на родину» [2, с. 11–12].

Воспитанник В. Захаров – 16 лет. «Поступил в приют по приговору мирового судьи, за кражу золотых вещей, в марте месяце отчетного года. З. заявил, что он круглый сирота, родители умерли давно; есть только бабушка, которая

дала ему возможность учиться в школе и кончить курс, – и что он занимался переплетным мастерством, получая по 10 рублей в месяц. Никогда ничего не брал чужого. Недавно смутили товарищи, попался в краже и его осудили в приют. Казалось, мальчик З. не должен быть плохим; но, по поступлении в приют, он стал вести себя дурно и его перевели в 3-ю семью. Оказалось, что и переплетное мастерство он плохо знает и ленив; со всеми товарищами он постоянноссорился. Из родных его никто не навещал. В августе, сказавшись больным, поступил в приютскую больницу. Ночью сломал у гардероба замок, выкрад у фельдшера пиджак, брюки, две пары казенных сапогов, 8 наволочек и убежал. Через месяц его поймал один воспитанник, бывший в отпуске в Саратове, и передал полиции, которая его доставила в приют. После этого он стал вести себя нахально и дерзко. Он заявил смотрителю, что его приют не имеет права держать, так как ему уже исполнилось 18 лет, что может удостоверить метрическая выписка о его рождении, находящаяся в окружном суде. На вопрос, зачем она туда попала, ответил, что у него было одно пустяшное дело там, на днях оно разбиралось, что он узнал во время побега, и его оправдали. По справке оказалось, что он не Василий Герасимов Захаров, под каким именем он судился у мирового судьи, а Петр Ермилин Волков, совершивший святотатство, и его окружной суд нигде не может найти и что у него есть мать, отказавшаяся от него давно, так как сын ее Петр уже имеет 20 лет и очень нехороший человек. Вскоре после этого его взяли из приюта по распоряжению окружного суда, и теперь он находится в тюрьме» [2, с. 12–13].

Список литературы

1. Диомидов И.М. Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют / И.М. Диомидов // Журнал министерства юстиции. – 1916. – №3.
2. Отчет по Саратовскому «галкинскому» учебно-исправительному приюту за 1891 год. – Саратов: Типография губернского земства, 1892.
3. Таганцев Н.С. Сводный отчет о деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников за 1891 г. / Н.С. Таганцев. – СПб.: Типография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1893.

4. Тальберг Д.Г. Исправительные колонии и приюты в России / Д.Г. Тальберг // Журнал Министерства народного просвещения. – 1882. Январь.